

С. А. Маретина

ТИГР/ЛЕВ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ИНДИЙЦЕВ

Титул царя зверей на евроазиатском континенте носит, как правило, лев. Его могущество и сила овеяны легендами, его беспощадность, сокрушительная мощь удара могучих лап внушают трепетное уважение к нему всего живого. Но в Индии, как и в большинстве районов Восточной Азии, роль короля джунглей оспаривается другим не менее прославленным представителем дикой фауны — тигром. В лесах Азии ни одно животное не вызывает большего страха, чем этот самый крупный среди кошачьих и один из самых свирепых хищников мира. Бенгальский тигр, эта огромная полосатая кошка, рыжий красавец с гибким телом и смертельными клыками, возглавляет когорту азиатских хищников, еще не исчезнувших с лица Земли. В немалой степени своей всесветной популярностью он обязан знаменитому киплинговскому Шерхану. Кто не помнит злобного врага Маугли, которого юный герой все-таки сумел одолеть? Но вряд ли многие сохранили в памяти старинный рассказ-легенду, пересказанный Киплингом, о том, как «Тигр научил человека убивать» [Киплинг 1908: 19–22]. Напомним его, он может служить прелюдией к рассказу о тигре.

Изначальным владыкой джунглей был Тха, первый из слонов, который вытащил джунгли хоботом из глубин вод. Занятый созиданием мира, Тха судьей и господином над всеми обитателями назначил Тигра. Тигр в те времена был весь желтый, «как цветок лианы», он ел траву и плоды, и все шло к нему без страха. Но однажды буйвол задел рогами Тигра, и тот убил его. Это было первое убийство, и все познали страх и стали его — страх — искать. И Тигр побежал за страхом, и тогда по приказанию Тха ветки и лианы поместили его, оставив полосы на его боках, спине, щеках и лбу. Эти полосы напоминают о том, что Тигр принес смерть и страх на Землю, и потому все будут бояться его.

Как ни странно, тигр, признанный хозяин джунглей, плоть от плоти индийской земли, популярный герой народных сказок, традиционный эталон многих качеств, вошедших в литературную и фольклорную традицию, в выс-

шей мифологии индуизма занимает сравнительно незначительное место. Если змея, слон, обезьяна и многие другие представители животного царства выступают в индуистской традиции как конкретные персонажи со своими именами, характерами, биографиями, то тигр за немногими исключениями так и остался неким обобщенным образом, не имеющим собственного имени даже тогда, когда он играет достаточно важную роль (например, в виде ваханы — верховного животного некоторых богов).

Такое положение тигра в индуистском пантеоне связано, вероятно, с тем обстоятельством, что с самого появления большой полосатой кошки в мифологии с ним пересекается его извечный соперник — лев.

Мы недаром начали свой рассказ с сопоставления двух главных хищников — тигра и льва. Они во многом очень разные — и по облику, и по характеру, и по образу жизни. И экология обитания их различна: густые лесные заросли для тигра и открытые травянистые пространства для льва. В Индии они географически занимают полярные районы — северо-западный ареал для льва, восточный (и отчасти южный) — для тигра. И, тем не менее, связь этих животных — скорее их сложившихся традиционных образов — очень сильна. И хотя объектом нашей работы был задуман давний и постоянный обитатель Индии — тигр, оказалось, что присутствие в ней льва неизбежно: в индийской мифологической летописи они оказались не только связанными, но и в какой-то степени отождествленными. Это выражается прежде всего в терминологии, используемой для обозначения рассматриваемых животных: их названия, пришедшие из древности — из санскрита и персидского, до сих пор употребляются в современных хинди и урду, восходящих к их древнему предку. Самыми распространенными являются два термина — *сингх* (*синха*) и *шер*. Первый — санскритский по происхождению, второй — персидский, и каждый из них обозначает как тигра, так и льва (словари санскритский, русско-хинди, английский Бхаргавы и др.). Существуют и другие термины — *багх*, *вьагра* и др. Они тоже чаще всего употребляются для обозначения обоих хищников.

Для Индии, как уже отмечалось, более органичен тигр, который и сейчас привлекает охотников и наводит страх на местное племенное население в горах Северо-Восточной Индии. Скорее всего, тигры пришли сюда с Востока — из Китая, в котором почитание тигра восходит к глубокой древности, через Бирму и Ассам в Бенгалию, где тигр и приобрел наибольшую славу. Лев же связан с Западной Азией, Персией и Ближним Востоком вообще. Сейчас лев в Индии фактически исчез, он уже не упоминается в числе животных обитателей всей Южной Азии. Этих животных можно встретить лишь на территории заповедного Грирского леса на Катхьяваре (штат Гуджарат). А ведь было время, когда львы водились не только в Индии, но и во всей Юго-Западной Азии вплоть до Европы, оставив (обратим внимание на эти слова признанного знатока больших кошек — К. Сингха) «неизгладимый след в искусстве и легендах бесчисленных поколений» [Сингх 1980: 118]. Это целиком относится и к Индии. По мнению того же ученого, ответствен за исчезновение львов в Индии не только человек, но и тигр [Там же]. Сталкиваясь в одном районе (на пути с запада на восток Индии), животные неиз-

бежно соперничают в борьбе за добычу и общее господство в своем мире. Тигры более сильные, более хитрые и лучше приспособлены к лесным условиям древней и средневековой Северной и Центральной Индии. В тех географических зонах, где происходило столкновение хищников, тигры отесняли и уничтожали на своем пути львов, хотя эти последние охотятся стаей, а тигры — поодиночке.

В результате тигры достаточно широко распространены в Индии: кроме уже отмечавшихся бенгальских горных лесов, заповедной территорией, где они живут в естественных условиях, является Рантхамбор в Раджастане. Это восточная часть Раджастана, там, где горы Аравали встречаются с Виндхья, — холмистый ландшафт с крутыми горными склонами и глубокими ущельями.

Лев, таким образом, сравнительно рано ушел из реальной жизни первых творцов индуистской мифологии — индоарьев, в то время как тигр и поныне остается живым обитателем индийских лесов. И вместе с тем образ льва в мифоэпической традиции оказался господствующим. Тигр, выступающий зачастую в той же роли, как бы заменяя льва в выразительной стилистике эпоса, все же не смог вытеснить соперника с того места, которое тот уже занял в мифологии индуизма. Попробуем понять, как же складывались отношения тигра и льва и какова была та роль, которую они играли в мифологической традиции индусов.

Как известно, первоначальной территорией индоарьев, куда они попали в потоке арийского переселения, была Северо-Западная Индия, где лев, тогда еще широко распространенный, был издавна известен и почитаем, тигр же был достаточно удален от этих мест. В результате лев раньше тигра вошел в древнюю мифологическую и лексическую традицию и сумел утвердиться в индуистской стилистике в качестве некоего метафорического образа, характеризующего идеального героя эпических произведений. Будучи первым из встреченных ими в Индии гигантских хищников, лев оставил неизгладимый след в менталитете народа, который воспринимал благородного зверя как эталон мужества, силы, власти, справедливости и использовал его название — *шер* или *синха* — как привычный эпитет героев и повелителей. «Лев среди царей», «бесстрашный, как Лев» — эти выражения превратились в своеобразные клише, которые прочно вошли в ткань средневекового этноса.

По мере продвижения к востоку (а именно таков был путь древних индоарьев по Северной Индии) в жизнь индусов входит господин восточных джунглей — тигр. Приписываемые ему качества, достоинства во многом совпадали с теми, которыми обладал лев, — сила, неустранимость, безжалостность, величие. Поэтому тигр также становится символом героического персонажа, и образы обоих властелинов животного мира сливаются — и под одним терминологическим обозначением, и по месту в мифоэпической и стилистической традиции индуизма. Мужество и мощь обоих хищников идентифицируются с властью и титулом царей и героев. Появляются выражения «царь-Тигр» и другие, в которых место льва занимает тигр. Но ведь образ героя-льва сформировался в глубокой древности, когда тигру только предстояло разделить славу своего царственного соперника. Поэтому даже

тогда, когда реальный лев уходит из жизни индийцев и сохраняется лишь запечатленным в сказаниях и легендах, а тигр продолжает наводить страх на своих соседей по месту обитания, как людей, так и животных, лев сохраняет свое возвышенное положение в индуистской мифологии и стилистике, представляя в обобщенном виде присущие ему и уже отмечавшиеся качества. Он словно застыл в своем царственном величии и так и переходит из одного произведения в другое, более позднее, как своего рода символ когда-то, еще в период знакомства с живыми хищниками, запечатленных качеств. Сравнение со львом оказывается настолько стойким тропом, что признанные достоинства тигра не могут не только вытеснить это клише, но даже уступают в соперничестве. При этом следует учитывать и влияние персидской культуры, очень сильное в средневековой Индии и особенно в период Делийского султаната. Лев в Иране, разного рода символика, связанная с ним, органично входят в изысканную ткань персидской культуры, которая, как и персидский язык, пользовалась большой популярностью при дворе мусульманских правителей Индии.

Интересно, что в чем-то схожие процессы смены ролей можно видеть в мифологии разных народов. Вот очень любопытный пример, приведенный в учебном пособии М.Е. Кравцовой [Кравцова 2004]. У китайцев в отличие от древних индийцев (учитывая их экологию) тигр с ранних пор играл очень видную роль — как повелитель злых сил и защитник от них. В дальнейшем образ тигра как символа верховной власти утрачивается, ибо появляются новые персонажи — дракон и лев, но охранительные функции тигра не только сохраняются, но даже усиливаются, образ его в эпоху Мин и Цинь можно видеть на многочисленных оберегах.

Но если в высшей индуистской мифологии, несмотря на известное слияние тигра и льва, все же ощущается известное превосходство второго, то есть свои безусловные преимущества и у тигра. Во-первых, тигр сохраняет земное существование и потому продолжает творить легенды вокруг себя — ведь тем и отличается мифологический менталитет индуизма, что живой опыт мифотворчества не иссякает у индийцев, через него проходит каждое поколение, обогащая фольклорную сокровищницу этноса. Во-вторых, у тигра есть свое особое, по сравнению со львом, назначение в низшей мифологии. Он более многолик, в народной традиции он может оказаться не только сильным и великодушным, но и коварным и жадным, не только мудрым и властным, но и обманутым и недалеким. Образ тигра несет на себе отпечаток старых племенных языческих верований и суеверий. И главное, что отличает тигра, — это присутствие в нем огромной жизненной производительной силы, отсюда его связь со всеми сферами плодородия.

Прежде чем переходить к конкретному материалу мифологии, хочется отметить, что соединение не только льва и тигра, но и всех больших кошек (леопарда и других) имеет глубокие корни в мировой мифологической традиции. Еще в хеттской мифологии богиню плодородия обычно изображали с леопардом и львом (уже здесь мы видим связь и взаимозаменяемость разных категорий больших кошек), дальнейшей трансформацией этой темы, как справедливо предполагает В.Н. Топоров [Топоров 1982: 511], является образ

героя в шкуре тигра, льва или леопарда (вспомним Диониса или Вакха, Ви-тязя в тигровой шкуре, буддийского Дхармапалу и многих других). И в ин-дуистской мифологии постоянно упоминается шкура тигра — не льва, а ти-гра. Так, именно на шкуре тигра обычно восседает великий Шива, хотя его же царский трон носит изображение льва и название *Синхасана* — Львиное ложе.

Посмотрим, в какой роли выступают лев и тигр в высшей индуистской мифологии и каково их соотношение в мифоэпической лексикостилистиче-ской традиции древних и средневековых памятников Индии. В целом мож-но сказать, что оба животных, вернее их мифологические образы, постоянно присутствуют в мифологии и эпических сказаниях — в виде ваханы (верхо-вого животного бога), шкуры, устрашающей маски... Они входят в состав лексических оборотов как форма постоянного сравнения и уподобления, усиливающая косвенную характеристику героя или ситуации в целом, они выступают как целое сообщество, множество, опять-таки для создания на-строения или обстановки («все львы и тигры в ужасе бросились бежать... Раздалось грозное рычание потревоженных львов...»).

И вместе с тем в роли персонифицированных героев рассматриваемые животные выступают крайне редко. Достаточно сказать, что ни лев, ни — что особенно удивительно — тигр, такое плоть от плоти индийское создание, не являются священными животными. А ведь число таких животных в Индии очень велико. Не говоря о коровах, слонах, обезьянах, змеях, занимающих самое почетное место в иерархии индийской фауны, среди священных жи-вотных упоминаются белка, кошка (малая кошка), крокодил... И даже в качестве эталона воинской доблести и силы в традиционных атрибутах царя присутствуют в первую очередь не тигр и лев, а слон и конь.

Итак, первым крупным хищником, с которым столкнулись древние арьи, когда они вступили на территорию Северо-Западной Индии, был лев — абориген этих мест и признанный господин всех зверей. И в самой ранней из вед — Ригведе — действительно мы встречаем достаточно краткое упомина-ние о первом встреченном хищнике. Вообще в гимнах Ригведы упоминаются многочисленные животные и птицы, некоторые постоянно, выступая в каче-стве привычных эпитетов для богов, к которым обращены мантры. Безуслов-ное первенство принадлежит корове и быку — эти образы пронизывают все поэтическое творчество ведийских риши. Очень широк ареал использования этих образов (корова — и туча, и заря, и поэтическая речь). В этот период именно бык и корова выступают как эталон силы и красоты, т.е. занимают то место, которое в дальнейшем перейдет ко льву и тигру. В Ригведе же хищ-ные животные безусловно уступают по популярности домашним (следом за быком идет конь — символ военного могущества). Наоборот, среди птиц чаще упоминаются хищные — грифы, орлы, коршуны, похищающие сому для богов... Что касается плотоядных животных, то они чаще встречаются как собирательные понятия («устремилась, как дикие звери») или в качестве сравнений.

А тигр? Тигр в Ригведе вообще не упоминается. Это согласуется с гео-графией первоначального пребывания и последующего движения индоарьев

по территории Индии. Лев встречается в тексте, но в единичных случаях. Арьи уже знали этого хищника, но он еще не вошел в их сознание, в их мифологическую традицию. В Ригведе [Ригведа 1989: мандалы 1–4, 1, № 14] есть призыв к Индре охранять Агни и других богов в таких выражениях: «О Индра <...> Страшный, как лев, охраняй обряды, совершающиеся в доме поутру!». В мандале 3, ч. 36, в гимне, обращенном к Агни Вайшванаре, со львами сравниваются сыновья грозного Рудры: «Эти гремящие сыновья Рудры, одетые в дождь, те, что подобны львам, чья сила духа в реве». И еще упоминание о львах в мандале 4, гимне 16, обращенном к Индре: «Чтобы стал заметен твой бессмертный облик, словно слон, рядясь в силу, страшный, словно лев, когда ты несешь оружие».

Во всех приведенных примерах лев лишен (точнее, еще не приобрел) того ореола мужественности и благородства, который увенчает его впоследствии. Здесь он выглядит прежде всего «страшным», пугающим своим ревом — переселенцы-арьи еще не прониклись к нему уважением. Восхваляемым, могучим, превосходящим всех силой и достоинствами в Ригведе является бык. Именно бык, самое полезное (вместе с коровой) животное, животное священное, которое приносят в жертву наиболее почитаемым богам, входит в образную символику Ригведы и играет в ней ведущую роль. В дальнейшем бык останется священным животным. Его значение еще усилится благодаря связям с Шивой, ваханой которого ему суждено стать. А лев так и не войдет в число священных животных, но зато оставит глубокий след в мифологическом сознании индусов и в образном арсенале эпической лексики. Для того чтобы животное (или другой объект поклонения) заняло достойное место в мифоэпической традиции народа, должно пройти время и даже, как в случае со львом, оно может отдалиться от своего живого прототипа, который уходит из реальной жизни, оставляя по себе достойную память.

Интересно проследить роль тигра и льва в более поздней Веде — Атхарваведе, самой последней, датируемой началом первого тысячелетия до н.э. [Атхарваведа 1989]. Здесь уже меняется география: индоарьи продвигаются на Восток, и в их жизнь входят новые существа и явления, что и отражают более поздние памятники. Атхарваведа — самая народная Веда, книга заговоров и заклинаний — особенно ценна тем, что запечатлела многие стороны жизни древних индийцев, которые не находят отражения ни в одном другом памятнике.

Здесь появляется упоминание риса, который не растет в более западных районах, и впервые встречается тигр. О том, что тигр уже почитается в этот период, говорит тот факт, что тигровая шкура часто используется в разных обрядах и выступает как символ власти. В Ригведе тоже не раз упоминалась шкура, но это была не тигриная, а рыжая бычья шкура. Лев тоже знаком создателям Атхарваведы, но тигр упоминается чаще.

Вот как выглядят эти животные в последней из вед. В книге 4, гимне 3 «Против диких зверей и воров» [Ригведа 1989: 143] говорится: «Выступили трое — тигр, человек, волк <...> Мы разгрызаем, о Тигр, и глаза твои, и пасть твою <...> и затем все двенадцать костей. Первым из зубастых мы разгрызаем Тигра <...> Ты заклинатель, разгрызающий Тигра».

А вот гимн «На помазание на царство» (кн. 6, гимн 8): «Тигр на тигровой шкуре, вступи в великие стороны света! Пусть пожелают тебя все племена, небесные воды, богатые молоком! <...> Тебя окропили блеском небесные воды <...> чтобы ты стал умножающим друзей. Таким пусть сделает тебя Савитар! — Так, обнимая Тигра, они посылают Льва к великой удаче. Как мощные силы — стоячий океан, начищают они леопарда среди вод». Здесь речь идет о посвящении царя — раджасуйе. Пурохит, произнося заговор, готовит священную воду, которой окропляют царя, сидящего на тигровой шкуре. Под всеми приведенными названиями — тигр, лев, леопард — подразумевается царь. Все большие кошки снова попадают в одну царственную категорию.

Наконец, еще один заговор, связанный с нашей темой — «На успех царя» (кн. 4, гимн 22). Автор обращается к Индре с просьбой дать царю силу, власть, оскотить его недругов, сделать его единым главой людей. Кончается заговор словами: «Ты, с обликом Льва, сожри все племена! Ты, с обликом Тигра, уничтожь врагов!». Опять оба хищника выступают в одной роли — пожирателей недругов. В Атхарваведе есть заговоры, обращенные против диких зверей в целом, есть редкие упоминания волка, частые — змеи. И хотя царское достоинство приписывается нескольким кошачьим, явно выделяется отношение к тигру. Произошла некоторая передвижка, с изменением географии меняется и место животных в фольклорной традиции. К тому же Атхарваведа, как отмечалось, народный памятник, а тигр ближе к народной мифологии, чем царственный лев.

Итак, из материалов древнейших литературных памятников Индии следует, что первым хищником, встреченным индоарьями на территории Индии, был лев, а знакомство с тигром произошло тогда, когда потоки переселенцев, двигаясь на восток, смешиваясь с местным населением, достигли лесных территорий.

Но тут встает вопрос о древнейшей — протоиндийской — культуре Индии, основные археологические очаги которой были обнаружены в самых «львиных» районах — Синде и Панджабе, самых сухих и безлесных областях страны. Согласно изложенной логике, подтвержденной примерами Вед, среди животных, известных населению Мохенджо-Даро и Харалпы, должен фигурировать никак не тигр, а скорее лев. Между тем картина оказывается иной. Среди зооморфных изображений встречается именно тигр — не слишком часто, но он явно входит в зооморфный круг протоиндийской цивилизации. Лев же отсутствует полностью. Тигр встречается в разных вариантах и комбинациях — и как отдельная фигура, и в разных сценках, и в своем привычном виде, и, как это характерно для животного протоиндийской знаковой символики, в комбинированном виде, с чертами другого животного. Таковы тигр под письменами, рогатый тигр, тигр у дерева, Бог с двумя тиграми... [Альбедиль 1994: 195]. Знак тигра может употребляться в роли не только иконической (т.е. обозначая самого себя), но и символической, участвуя в изображении календарного года и обрядов. Знаками солнечного года в харалпской культуре выступают животные, в первую очередь тур, а также тигр. Одним из зооморфных символов года была фигура, образованная телами трех сплетенных тигров. Тигры переплетены так, что «их тела и три тор-

чащие лапы образуют шестиконечную фигуру, передающую представление о годе и шести его сезонных подразделениях» [Там же: 246]. Тигр является одним из символов этого года, при этом пять остальных животных относятся к категории домашних (тур, козел и другие), а шестой — тигр — выступает как защитник полей от травоядных. Налицо земледельческий характер культуры! (В связи с этим напомним, что одним из буддийских знаков зодиака является лев. Не рассматриваемые как священные, тем не менее и лев, и тигр удостоены видной роли в летоисчислении индийцев.)

Согласно исторической логике, не может не вызвать недоумения достаточно заметная роль знака тигра в протоиндийской культуре при полном отсутствии льва. Добавим к этому, что даже в изображении, соответствующем известному образу Гильгамеша с двумя львами по правую и левую руку, львы на печати заменены тиграми. Чтобы попытаться понять подобную ситуацию, следует вспомнить мнение исследователей о том, что протоиндийская мифология ближе к мифологической традиции индуизма (культу Шивы и другим), чем к, казалось бы, территориально и хронологически более близкой ведийской. Более убедительные культурные параллели связывают хараппскую культуру не с Северной Индией, а с дравидийским Югом. Представление об этой последней как о «протодравидской» культуре получило широкое признание среди ученых. Да и Раджастан, как отмечалось выше, один из основных «тигриных» районов Индии, не столь далек от древнейшей культуры.

Есть еще одно соображение, которое может быть учтено при рассмотрении проблемы тигра в культуре долины Инда. С этой культурой связана идея культа плодородия, что сказывается и в преобладании женского начала. Многочисленные женские фигурки — изображения на печатях и статуэтках — принято трактовать как знаки богини-матери. Мужской аспект культа плодородия связывается с трехликим и рогатым божеством, сидящим на троне в окружении зверей, среди которых присутствует и тигр. Изображение это, как известно, сближается с образом индуистского Шивы-Пашупати — покровителя зверей. Поскольку именно тигру (тигрице) все народы приписывают особую жизненную силу, страсть, плодовитость, неудивительно, что именно тигр занял видное место в иконографии протоиндийской культуры.

Арийская культура перемещается все дальше на восток, ее центром становится исторический Хиндустан (Курукшетра — знаменитое поле битвы, место легендарного сражения пандавов и кауравов — расположена в северной части Харианы). Знаменитые индийские эпосы Махабхарата, Рамаяна и другие предания и пураны являются главным источником наших сведений по пантеону и мифологии Индии, они бесконечно обогащаются за счет вовлечения в их круг персонажей, сюжетов и религиозных представлений местного населения, которое в свою очередь воспринимает духовные ценности арийской культуры. И для нашей темы эпический период представляет великий интерес. Именно на этой территории в живую ткань сказаний и легенд входит полновластно тигр, хотя и лев, уже ушедший из реальной жизни, сохраняет свое высокое положение и царственный титул.

Как мы видели на материале Вед, среди персонажей всех древних и более поздних памятников большое место занимали животные. И эпосы насе-

лены большим количеством зооморфных персонажей, среди которых имеются животные дикие и домашние, птицы и змеи, рыбы и насекомые... Одни из них выступают в роли активных героев (Хануман, Джатаю и многие другие), другие лишь сопровождают разворачивающиеся действия. Тигры, львы и вообще большие кошки чаще всего участвуют в действии в собирательном виде, создавая антураж, сопровождая битву или охоту, определяя настроение отдельных эпизодов: «из пылающего леса убегают олени... тигры, гривастые львы», «утоляли жажду сотни измученных зноем слонов, буйволов, львов, тигров», юноша-герой привязывал к деревьям львов, тигров... Таких примеров встречаются многие десятки на страницах эпоса. Еще чаще упоминания о больших хищниках встречаются в формульных эпитетах, в постоянных сравнениях героя с тигром или львом («Тигр среди людей», «Лев среди царей», «одаренный могуществом и отвагой Льва» и другие). Нередко эти сравнения имеют более развернутый характер и могут отражать некоторые дополнительные качества: «правдоречивый Лев», «с гордой поступью Льва», «рык, страшный как у Тигра» и другие. При этом интересно, что в некоторых случаях сущность льва и тигра сближается, качества их сливаются — например, в Махабхарате поминается «божественная обезьяна со всеми признаками Льва или Тигра» [Махабхарата 1959: 564]. Тут же между ними проводится грань — животные обращаются то во львов, то в тигров [Там же: 529].

Характерно, что такого рода эпитеты однотипны в древнеиндийском эпосе и в творениях других народов — греческом Гомеровской эпохи, узбекском и многих других. При этом даже во времена мира и согласия мера величия эпических героев всегда определяется их воинскими заслугами, доблестью и бесстрашием. Кстати, в эпосе уходит на задний план основной символ героизма и доблести эпохи Вед, а именно — бык. Один стереотип сменяется другим. Место быка и бычьей шкуры занимает сначала лев, затем тигр, именно его шкура становится постоянным атрибутом многих богов. Бык же остается в пантеоне, но уже в другой ипостаси — ваханы Шивы, он получает собственное имя — Нанди и право представлять в определенных ситуациях самого великого Шиву.

Чтобы завершить это путешествие по векам вместе со львом и тигром, обратимся еще к одному великому памятнику — Рамаяне, но не древней поэме Вальмики, а к самому известному из позднейших переложений знаменитого эпоса — к Рамаяне Тулси Даса, датируемой XVI в. [Тулси Дас 1948]. Это была эпоха, когда Северная Индия находилась под властью мусульман, которые на протяжении веков проникали на ее территорию. Синтез культурных ценностей, приносимых разными этносами, объединенными зеленым знаменем Пророка, и североиндийской индуистской культуры привел к созданию нового замечательного явления — индомусульманской культурной традиции, со своими героями, сюжетными и стилистическими особенностями. Это был период, когда на индийскую литературу и культуру оказывала сильное влияние персидская поэтика, персидская образность, персидская символика. Вместе с персидскими образами и сюжетами на индийской почве стали прививаться понятия, вообще отсутствующие в природе Индии (кипарис, соловей и... лев). Многие индийские поэты стали следовать этой тенденции.

В отличие от них Тулси Дас обращался прежде всего к родной природе, в ее богатстве черпая образы, сравнения и метафоры.

Но в то же время сохраняются и сложившиеся в ранние века образные клише, в частности сравнение со львом, которое прекрасно вписалось в стиль эпохи. Лев употребляется и в привычных сочетаниях (Рама — юный Лев), и в специфике авторского стиля («без страха Лев тот — обезьяна — к нему приник» — подчеркивается мужество обезьяны). Появляется новый поэтический образ (навеянный персидской традицией) — сравнение льва с луной («как в лесах по небу бродит Лев — прекрасная луна»). Еще один аспект их связи — бесстрашие (луна не боится гулять одна в темноте).

Мы постоянно подчеркивали некий обобщенный, в чем-то безликий образ главных больших кошек в индуистской традиции. В крайне редких случаях образ льва или тигра приобретает более конкретизированный характер и играет самостоятельную роль в мифологии. Наиболее яркий пример — широко известный Нарасинх (Нарасинха) — человеколев. Это одна из аватар (воплощений) Вишну, которая служит переходом от самых ранних зооморфных к более поздним антропоморфным воплощениям великого бога. Первые воплощения в виде животных отражают очень ранний период мифологического творчества и связаны с изначальными мировыми сюжетами — всемирным потоком, добычей напитка бессмертия, в которых Вишну принимает образ рыбы, вепря, черепахи. Аватара в виде человекозверя знаменует переход к очеловеченным героям, среди которых выделились и зажили самостоятельной жизнью поныне пользующиеся всеобщим признанием Рама и Кришна.

Итак, человек-лев. Это одна из древних аватар, и то, что именно лев, а не тигр оказался ее героем, вполне согласуется с нашей концепцией о создании ранних слоев мифов в тот период, когда лев еще царил не только в памяти и воображении людей, но и в живой природе. Пришествие тигра было еще впереди. Облик чудовища, черты которого в основном совпадают в разных изображениях, ужасен. Исполненная ярости морда с кровавым ртом, спутанная грива, не позволяющая сомневаться в его свирепости... Легенда о Нарасинхе достаточно известна, мы лишь напомним ее в связи с интересующим нас героем [Томас 2000: 51].

Речь идет о демоне Хираньякашьяпе, который путем длительных йогических упражнений и самоистязаний добился от Брахмы обещания, что он не будет убит ни богом, ни человеком, ни зверем ни днем, ни ночью ни внутри дома, ни снаружи ни каким-либо из известных видов оружия. Уверенный в своей бессмертии, Хираньякашьяпа допускал поклонение только самому себе, но не мог добиться повиновения от собственного сына Прахлады, горячего поклонника Вишну. Разъяренный отец прибегал ко всяческим средствам, чтобы переубедить сына, а когда не смог, то решил погубить его. Жестокий царь-демон насылал на юношу ядовитых змей и стада слонов с гигантскими бивнями, старался сжечь или отравить его. Но Прахлада постоянно вспоминал Вишну и оставался цел и невредим. Тогда взбешенный царь ударил по каменной колонне открытой галереи, где они находились, и воскликнул: «Если, как ты считаешь, Вишну находится повсюду, то он должен находиться и здесь». И в тот же миг колонна раскололась надвое, и из нее возникло

страшное существо — наполовину мужчина, наполовину лев с оскаленной пастью. Чудовище подняло злобного царя и разорвало его своими лапами. Обычный иконографический образ Нарасинхи — человек в богатых одеждах, с устрашающей головой льва, сидящий на базе разрушенной колонны. На его коленях лежит опрокинутый на спину Хираньякашьяпа, а Нарасинха двумя руками (всего их, как правило, четыре) разрывает его внутренности.

В образе Нарасинхи нашли отражение демоноборческие черты Вишну, которые проявляются во многих его аватарах и в отдельных приключениях Кришны и Рамы. Нарасинха считается воплощением доблести как божественного качества (что вполне согласуется с характером и достоинствами льва), поэтому он особенно почитаем правителями и воинами. По некоторым данным, ему приносят жертвы исключительно цари. Говорят также, что Нарасинха воплощает стихи Яджурведы, Веды жертвоприношений, от которых исходит сила и мужество. К нему обращаются, когда возникает необходимость защищать его почитателей от заговоров врагов. Считается, что следует принести жертву Нарасинхе за два дня до начала битвы, а также на утро следующего дня [A Dictionary of Hinduism 1977: 205]. Если на тело намазать лягушачий жир, сопровождая это действие чтением посвященных Нарасинхе мантр, то это помогает безболезненно проходить через огонь. В образе человекольва присутствуют, как мы видим, присущие этому животному героические и царские достоинства, хотя в поклонении ему ощущаются и отдельные черты народных суеверий. Образ Нарасинхи выходит за пределы конкретного мифа-аватары и пользуется широким признанием, прежде всего в воинских (в прошлом — и царских) кругах.

Образ льва или тигра (в этом вопросе идентификация обоих животных встречается особенно часто) утвердился в мифологии индуизма в качестве одной из вахан — верховых животных высших богов. Каждый бог, как известно, имеет свою женскую ипостась, которая обеспечивает энергию для своей мужской половины — сам бог, будучи воплощением аморфного мирового Брахмана, лишен этой энергии. Другой постоянный атрибут бога — его зооморфный спутник, который служит верховым животным или ложем для своего господина и которой в большей или меньшей степени заражается его божественной сущью. Случается, что ваханой может быть и растение (лотос для Лакшми), но преобладают представители животного мира, которые в значительной мере пришли в индуистский пантеон из племенных верований, где культ животных относится к числу древнейших. По выражению Х. Циммера, вахана — «дубликатное представление энергии и характера бога» [A Dictionary of Hinduism 1977: 316]. Этот термин отсутствует в ведической традиции, он появляется позже, сначала просто для обозначения транспортного средства богов, а затем как один из их атрибутов, который способствует идентификации божеств.

В отличие от Нарасинха, фигуры вполне конкретизированной, имеющей собственное имя (или которое стало его именем) и являющейся центральным действующим лицом известного мифа, к тому же получившей распространение и вне пределов мифа, вахана в виде льва или тигра не имеет ни собственного имени, ни каких-либо личных особенностей, кроме особенностей ви-

довых, характеризующих хищного зверя. Это относится не ко всем ваханам. Мы уже выделяли быка Нанди — верховое животное Шивы, которое имеет не только личное имя, но и обладает некоторым отражением божественной сущности Шивы, что позволяет ему нередко заменять самого великого бога в храмах, ему посвященных. Своей индивидуальностью и особой биографией обладает и змей Шеша — космическое ложе Вишну, опора Вселенной.

Но к вахане-тигру или льву это не относится. Здесь опять просматривается постоянная неразличимость двух хищников. Они являются ездовыми животными женского божества — супруги Шивы, которая чаще всего предстает в виде Дурги или вообще Деви. Часто бывает, что животное описывается как лев, а на сопровождающей иллюстрации отчетливо просматривается полосатая шкура тигра [Томас 2000: ил. 108]. На экспозиции в МАЭ представлена фигура ваханы Дурги, природа которой благо разумно не уточняется, но которая наглядно представляет нечто среднее между двумя хищниками.

Итак, тигр-лев — это вахана женского божества. В индуистском пантеоне встречаются десятки имен различных богинь — и милостивых, и гневных, и совмещающих разные качества в разных обстоятельствах. И хотя у каждого божества есть своя женская половина, большая часть богинь связана с Шивой, его мощью, его шакти, корни их уходят в глубокую языческую древность — к древней богине-матери, образ которой и сейчас живет у многих земледельческих племен Индии. В индуистском пантеоне самой популярной фигурой является Дурга и различные ее ипостаси, в том числе знаменитая демоноборица, устрашающая чернокожая Кали. Поскольку определяется связь женского божества — через культ плодородия — с тигром, то в тех случаях, когда вахана дана в тигриной форме, обычно это бывает тигрица. Однако чаще вахана супруги Шивы именуется львом (хотя, напомним, это не всегда убедительно подтверждается в иконографии). Интересно при этом, что существует определенный список животных, которых приносят в жертву кровавой богине Дурге. Чаще всего это буйвол или козел (вспомним этих животных еще в календарном годе харапской культуры), упоминаются и птицы, олени, черепахи, рыбы, иногда встречается даже тигр. Думается, это достаточно редкое явление. Следует обратить внимание на то, что в достаточно частых в древней литературе Индии рассказах о царских и других охотах тигры и львы в роли дичи упоминаются лишь изредка. Такие фразы, как «герой повалил огромное количество тигров» (Махабхарата), можно понимать скорее не как упоминание об охоте, а как показатель могущества героя — своего рода расширенное сравнение в духе описанных традиций. Тигры и львы индуистской мифологии, эти царственные существа, по положению стоят выше, чем просто объекты охоты.

Вернемся к вахане шиваитских богинь. Под общим эпитетом спутниц Шивы скрывается множество имен — Ума, Парвати, Дурга, Кали, не говоря уже об отдельных ипостасях той или иной богини, которая часто выступает под именем того демона, которого она победила. Мы говорили о главных ипостасях этих богинь — милостивая и гневная. Вот две богини — Дурга и Кали. Обе они богини-воительницы, но первая — ее милостивый аспект, прекрасная молодая женщина, вооруженная, но вызывающая восхищение, вто-

рая же — устрашающая многорукая демоница с оскаленными зубами и ожерельем из черепов. Обе они тесно связаны (Кали — одно из лиц Дурги), обе являются объектом восторженного поклонения многих тысяч верующих. И ваханой этих разных форм является одно существо — лев или тигр. Особенно популярны подвиги Дурги, которая при совершении каждого из своих многочисленных подвигов имеет определенную форму и особое имя. Один из образов Дурги носит имя Синхавахини («оседлавшая Льва») [Dowson 2005: 87]. В нем богиня изображена верхом на могучем льве, который является ее ваханой и в других ситуациях.

Приведем один из наиболее подробных рассказов о богине-воительнице и ее вахане [Мифы древней Индии 1975: 182–186]. Героем его является Махиша, могучий демон-буйвол (отзвуки древнего поклонения буйволу еще живут в индийском фольклоре — сохраняются обряды жертвоприношения буйвола местным богиням, он часто фигурирует в дравидийском фольклоре), который в результате длительного и сурового подвижничества добился у Брахмы вечной жизни (мотив, достаточно распространенный в мифологии, объясняющий приобретение власти и великих привилегий многими демоническими фигурами, с которыми потом приходится бороться Вишну и другим богам). Единственная угроза для него — женщина, только она может поразить чудовище. Махиша возомнил себя всемогущим и стал требовать, чтобы сам Индра подчинился ему. Это вызвало тревогу среди богов, которые стали готовиться к битве, а своими предводителями избрали великую триаду, в том числе и Брахму — того самого Брахму, который и даровал силу Махише. Махиша, уверенный в своей непобедимости, окружил себя преданными асурами. Началось сражение, долгое, жестокое и кровопролитное, подробно описанное в разных произведениях, связанных с этим популярным сюжетом. Но при всем могуществе великих богов и их армий воюющие стороны поняли, что мужская рука не сможет принести им победу. Тогда они решили обратиться за помощью к Великому, тому, кто не имеет ни начала, ни конца, ни цвета, ни пола, ни прочих качеств, то есть к самому Брахману — мировому духу, составляющему основу всему сущему. И тот явил им свою милость в виде сияния (в некоторых вариантах — гнева), исходящего от лиц богов — кроваво-красного у Брахмы, ослепительно белого у Шивы и темного у Вишну. Из этого тройного сияния возникла фигура женщины, переливающаяся всеми цветами радуги. Ее назвали Девы — Великая богиня. Это она обычно идентифицируется с супругой Шивы, с его шакти, женской энергией. Девы потрясала красотой, в ее восемнадцати руках было всяческое оружие, голову украшала драгоценная диадема. Рядом с нею стоял огромный лев, готовый в любой момент отнести ее на своей спине, куда пожелает его повелительница.

Издав громкий боевой клич, прекрасная воительница завершила богов в неотвратимости их победы. Битва была долгой, наполненной различными эпизодами, в частности были предварительные схватки без участия основных действующих лиц, была попытка пораженного красотой Девы Махиши сделать ее своей женой, что было с возмущением отвергнуто богиней... И во всех сражениях и стычках самую активную роль играл огромный лев, кото-

рый пожирал всех, кого Деви поражала своим копьем, который не отходил от нее ни на шаг даже тогда, когда один из полководцев Махиши обрушил свою гигантскую булаву на голову льва, за что нападавший тут же лишился своей головы... В конце концов Деви снесла голову самому асуру и тем положила конец его господству. «Махисасини» — «Убийца Махиши» — этот эпитет относится не только к Деви, но и к другим воинственным ипостасям подруг Шивы, поскольку Деви — это обобщенный образ, и в качестве победительниц Махиши могут выступать и другие воинственные богини. Лев здесь, хотя безмянный и лишенный индивидуальных качеств, тем не менее один из центральных участников событий, полностью проявивший свои видовые качества — силу, мужество, беспощадность.

Другие гневные ипостаси Деви имеют на своем счету много жертв из числа демонов и асуров, и каждый раз ее верным помощником является лев. В иконографии богиня может изображаться сидящей на могучем звере, а иногда он изображен рядом со сражающейся богиней. И после каждой победы богиня наделяется почетным титулом, состоящим из имени поверженного врага и окончания «асани» — «убивающая». Одним из известных подвигов является убийство богиней по имени Чандика свирепого великана Рактавиджа, у которого каждая капля крови из нанесенных ему ран превращалась в его подобие. И опять верным помощником Чандике был лев, безмянный, но смелый и преданный. Вспомним еще одно женское божество — старую дравидийскую богиню Коттравей, богиню войны, охоты, победы. Ее изображают в виде кровожадной женщины, стоящей на голове буйвола и покрытой шкурами слона и тигра, с оружием в руках — типичный портрет богини-воительницы. Постепенно Коттравей слилась с образом Дурги, с которой, кроме всего прочего дравидийскую богиню роднит шкура тигра. Для дравидийского Юга характерен именно тигр, лев не водится в южноиндийских джунглях. Как и у многих шактистских божеств, культ Коттравей носил оргаистический характер и сопровождался кровавыми жертвоприношениями.

Интересно, что в качестве ездового животного льва можно встретить и рядом с другими богинями отнюдь не шиваитского цикла, например он сопровождает Индрани, спутницу бога Индры [Томас 2000: 118, ил.]. Будучи постоянным спутником женских божеств из окружения Шивы, лев (тигр), естественно, не может быть не связан с самим грозным богом-разрушителем. Одним из постоянных атрибутов Шивы, наравне с трезубцем, третьим глазом, змеей в виде ожерелья, является уже не раз упоминавшаяся тигриная шкура, на которой покоится Шива, если он изображен в состоянии покоя или в семейном кругу — с Парвати и детьми. Шкура всегда тигриная, никогда не львиная, в то время как трон Шивы, как и троны Вишну и Будды, именуется «львиными сидениями» — «синхасана». Опять имеет место совмещение характеристик — в данных случаях пассивных, символических — обоих хищников, которые оказались одновременно атрибутами одного божества.

В связи с широким упоминанием тигровой шкуры, в первую очередь в связи с Шивой, напомним известную легенду, которая входит во все биографии великого бога. Некогда в лесу Тарагама обитали десять тысяч отшельников, проповедовавших антишиваитское учение и потому считавших-

ся с точки зрения верных шиваитов еретиками. Шива решил проучить их и пригласил с собой Вишну, который принял образ прекрасной женщины. Оба они ввели в соблазн святых мужей и их жен, которые не могли устоять перед красотой преображенных божеств. Когда обман раскрылся, отшельники решили страшно отомстить проказливому богу [Томас 2000: 80]. Из приготовленного ими жертвенного огня они сотворили ужасного тигра, который набросился на Шиву, готовясь сожрать его. Но великий бог только улыбнулся и, лишь коснувшись чудовища мизинцем, содрал с него шкуру, в которую тут же завернулся, как в драгоценное покрывало. Риши еще насылали на Шиву ядовитого змея, злобного черного карлика, но все было напрасно. Шива, разделавшись со всеми противниками, стал исполнять свой знаменитый космический танец, чем полностью покори́л отшельников, которые превратились в его горячих приверженцев. Шкура же тигра с тех пор стала постоянным одеянием или ложем Шивы.

Как и во всех мифологиях мира (в том числе и греческой), многие боги меняют свои обличья, принимая образ того или иного животного или птицы (вспомним бесконечные личины Зевса). Неоднократно менял свой вид древний царь богов Индра, оказываясь то львом, то тигром, то слоном, то птицей, чаще орлом... Нередки в мифологической традиции отдельные части животных, существующие сами по себе или образующие парадоксальные сочетания. Грифон-лев с головой орла — постоянный символ власти, поскольку включает элементы царственного животного и птицы. Лев выступает в качестве орнаментального мотива с глубокой древности — достаточно вспомнить знаменитую львиную капитель из Сарнатха (III в. до н.э.) — четыре фигуры львов, сросшихся спинами, полные большой силы и убедительности.

Наконец, еще один мифологический образ, связанный на этот раз исключительно с львиной символикой. Одна из грозных эманаций духа Шивы — Киртимукха [A Dictionary of Hinduism 1977: 148], которая представляет собой некую магическую эмблему в форме демоноподобной львиной маски. Ее помещают над входом в храм Шивы, где она выступает в виде стража ворот. Эта эмблема также часто присутствует в виде фона при иконографическом изображении божеств шиваитского цикла.

Киртимукху сравнивают с головой Медузы Горгоны — ведь и у нее вся сила была в голове, И отмечают даже общие черты: Горгона была красива, но страшной красотой — со сверкающими глазами, выступающими клыками и висящим языком. Словом *киртимукха* иногда обозначали не только львиную голову, но и голову чудовища макары, которое украшало многие индуистские храмы, но под названием *синхамукха* скрывалась только голова льва.

История Киртимукхи имеет свою легенду. В Сканда-пуране рассказывается, что некий царь был так упоен своей силой и своими победами, что послал Раху (известный мифологический планетарный персонаж, связанный с затмениями, о чем в мифологии имеются особые страницы) к самому Шиве с требованием отдать ему, царю, свою невесту — прекрасную Парвати. Это так разгневало Шиву, что ярость его вырвалась из третьего глаза в форме ужасающего демона с головой льва. Он обладал истощенным телом и раз-

вевающейся гривой. Испуганный Раху скрылся в теле Шивы, и тогда оставшийся без добычи демон попросил Шиву накормить его. Шива предложил чудищу съесть собственные руки, затем ноги, в конце концов у монстра осталась одна голова. Эта голова олицетворяет тот космический огонь, который периодически уничтожает весь мир, оставляя нетронутым одного Шиву. Шива, благодарный за всепоглощающую силу, созданную тем, кого он породил, даровал ему имя Киртимукха и право охранять его врата. С тех пор каждый, кто войдет, не оказав почтения маске, никогда не удостоится милостей Шивы.

Библиография

- Альбедиль М.Ф.* Протоиндийская цивилизация. М., 1994.
Атхарваведа. Избранное / Пер. Т.Я. Елизаренковой. 2-е изд. М., 1989.
Киплинг Р. Джунгли. М., 1908. Кн. 2.
Кравцова М.Е. История искусства Китая: Учеб. пос. СПб., 2004.
Махабхарата. Адипарва / Пер. В.И. Кальянова. М.; Л., 1959.
Мифы древней Индии / Излож. В.Г. Эрмана и Э.Н. Темкина. М., 1975.
Ригведа / Пер. Т.Я. Елизаренковой. М., 1989.
Сингх К. Тигр Раджастхана. М., 1980.
Томас П. Легенды, мифы и эпос древней Индии / Пер. Н.Г. Краснодембской. СПб., 2000.
Топоров В.Н. Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.
Тулси Дас. Рамаяна / Пер. А.П. Баранникова. М.; Л., 1948.
A Dictionary of Hinduism. L., 1977.
Dowson J.A. Classical Dictionary of Hindu Mythology and Religion. N.Delhi, 2005.